

Известия. - 1993. - 9 февр. - с. 7

ЧЕЛОВЕК ИЗ БЛОКАДЫ

Памяти Юрия ВОРОНОВА

Ким СМИРНОВ, «Известия»

Умер Юрий Воронов. Журналист. Поэт. Многие мои товарищи по «Комсомолке» шестидесятых согласятся: он во всем полноте олицетворял в нашей жестокой профессии полузабытое понятие — порядочность.

Приняв в 1959 году эстафету редакторства в «Комсомольской правде» от Алексея Аджубея, возглавившего «Известия», он несколько лет спустя, уходя в опалу, передал газету Борису Панкину. Помню, как на первой же летучке в ответ на типичные в подобных ситуациях призывы забегающих вперед делать другую, принципиально новую газету, Панкин сказал: нет, мы продолжим ту, которую делал Воронов!

А какой она была при нем — это сегодня одна из легенд отечественной журналистики. По сенсационным публикациям «Комсомолки», требовавшим в те времена большого личного мужества не только от журналиста А. Сахнина, но и от главного редактора Ю. Воронова, на заседании Политбюро ЦК КПСС пришлось снимать с работы всеильного начальника китобойной флотилии «Слава» Соляника. Но тут же последовала и месть «неуправляемой» газете: Юрия Воронова отправили в «почетную ссылку» сначала на должность ответсекретаря «Правды», потом — собкором в ГДР. На прощание редакция подарила ему гарпун с надписью: «Лучшему китобойцу Советского Союза» и демонстративно предоставила пожизненное право подписывать новогодние номера «Ком-

сомолки» в качестве главного редактора. Он этим правом, правда, не воспользовался.

Но зато все, кто работал с ним, если командировочные дороги заводили в Берлин, считали честью для себя навестить его. Была такая встреча и у меня, уже в известинские годы.

В тот вечер я узнал, как родились «Ленинградские деревья» — самые пронзительные, по-моему, стихи в его длившемся всю жизнь поэтическом дневнике «Блокада». В одной из европейских столиц Воронову показали бульвар с молодыми саженцами. «Здесь росли Древние деревья, но в войну была очень суровая зима, и пришлось их вырубить на отопление». Юрий Петрович усмехнулся: «Ничего себе суровая! Минус 10—15 градусов». Тогда и написались стихи о том, как в блокаду ленинградцы, умирая от голода, замерзая от действительно лютых морозов, не вырубали ни одного дерева ни в Летнем, ни в Михайловском, ни в других своих садах и парках. Это не легенда — правда. Осколочные раины на стволах замазывали юннаты. Многие из них умерли в блокаду. А тем, кто выжил, уже за 60. Но и по сей день окаменевшая замазка на деревьях хранит отпечатки тех детских пальцев и ладоней.

И еще он тогда сказал, что не очень понимает, почему так широко тиражируют его строки:

Нам в сорок третьем
Выдали медали
И только в сорок пятом
Паспорта.

И опускают следующие, самые главные:
И в этом нет беды.
Но взрослым людям,
Уже прожившим многие
годы,

Вдруг страшно от того,
Что мы не будем
Ни старше, ни взрослее,
Чем тогда.

Медаль «За оборону Ленинграда» ему дали в 14. Потом было много высоких наград. Но ни одна не превысила эту.

Пройдут годы. Нас уже не будет на Земле. Но память о Блокаде останется. Останется правда и только правда. Правда фактов «Блокадной книги», дневника Тани Савичевой, других потрясающих документов человеческого страдания и мужества. И еще — правда поэзии. Строки Ольги Берггольц на Пискаревке: «Здесь лежат ленинградцы». И строки Юрия Воронова на мемориале у Московской заставы: «О камни! Будьте стойкими, как люди!»